

лось, общения иностранных специалистов с русскими. Возможно, этому во многом содействовали личные наблюдения царя, трижды, в 1698, 1711 и 1712 гг., посетившего Чехию и в последний приезд познакомившегося с выдающимся чешским живописцем Яном Купецким.⁴ Но не только это. Были и более глубокие причины, восходившие к многовековому наследию русско-чешских контактов, далеко не всегда интенсивных, но тем не менее непрерывно существовавших и даже активизировавшихся к концу XVII в.⁵ В русле их и стоял эпизод с направлением в Прагу русских переводчиков.

Впервые специально обратил на это внимание П. П. Пекарский, основывавшийся на «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова и на некоторых архивных документах.⁶ «Замечательно, — подчеркивал А. В. Флоровский, — что у Петра Великого проявилась несколько раз мысль воспользоваться сходством русских с западными славянами для осуществления своих замыслов касательно распространения в России просвещения и искусств».⁷ Позднее эти материалы неоднократно воспроизводились как русскими, так и зарубежными славистами.⁸ Все же, несмотря на более чем вековую традицию изучения, историко-культурная значимость пражской миссии необходимой оценки не получила. Более того, далеко не все источники, относящиеся к поездке русских людей в Прагу, введены в научный оборот. Даже А. В. Флоровский, давший наиболее полную их сводку, зачастую опирался не на подлинные документы из архива Синода, а на аннотации их в печатном описании.⁹ Все это побуждает нас еще раз взглянуть на давнюю и до конца не прочитанную страницу русско-чешских связей петровского времени.

* * *

В цитированном письме Петра I был, в сущности, уже сформулирован его план осуществить в Праге с помощью русских толмачей-посредников перевод иностранных книг на русский язык. Впрочем, как справедливо отметил А. В. Флоровский, на первых порах план был весьма конкретен и сводился к переводу лишь трех книг — лексиконов и «экстракта из юриспруденции».¹⁰ Спорна, однако, дата возникновения самого замысла.

Со ссылкой на шестой том «Деяний» И. И. Голикова П. П. Пекарский писал: «31 декабря 1715 г. царь писал к Ягужинскому, чтобы он уведомил его, кто был автором универсального лексикона, который он читал, дабы я, прибавляя Петр, мог отписать к Веселовскому, чтобы оных в Праге перевести, также экстракт из юриспруденции там же перевести».¹¹ Указание это

⁴ С. А м о г т. Car Petr I v Čechách. — Slovanský přehled, 1952, N 5, s. 172—174.

⁵ Примером может служить трактат чешского иезуита Иржи Давида «Современное состояние Великой России или Московии», см.: А. С. Мылъников. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII века. — Вопросы истории, 1968, № 1, стр. 124—125. Текст трактата в сокращении опубликован там же, № 1, 3, 4.

⁶ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 230.

⁷ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440—447.

⁸ Библиография их работ дана у А. В. Флоровского, что избавляет нас от необходимости более подробной ссылки. Особого внимания заслуживает краткая, но ценная по содержащимся сведениям заметка: С. А. Белокуров. О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славено-латинских школ. — ЧОИДР, 1896, кн. 3, стр. 34—35.

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода, т. 1—4. СПб., 1868—1880.

¹⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹¹ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 231.